

Две речи А. М. Горького

на совещании писателей, композиторов, художников
и кинорежиссеров 10 апреля 1935 г.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

Товарищи! Хотелось бы потолковать в той форме, как определил тов. Щербаков: совершенно дружески и открыто.

Нас, людей искусства, назвали «инженерами душ». Этот титул дан нам как аванс. Мы пока еще не инженеры. Инженеры работают по плану. Вся наша страна работает по плану, и влияние плановой работы выявлено у нас исключительно ярко. Организующая идея Маркса — Ленина обнаружила свою организующую силу с невероятной, сказочной быстротой. Тяжелая, темная страна, каковой была наша до Октября, за 17 лет этой работы достигла результатов, значение коих буржуазия начинает понимать. Нас рассматривали как народ совершенно безнадежный. Немцы особенно упорно утверждали, что славянская народность — ни к чему негодный навоз и что вообще — лишние люди на земле. Это утверждали Трейчке, Вирхов, Момзен и бесчисленное количество очень крупных мудрецов мещанства. Теперь нас уважают, слушают и еще того лучше — нас боятся и ненавидят. Ненавидеть можно только сильного, очень сильного, нас ненавидит буржуазия, и все более крепко любит пролетариат всех стран. Эта любовь обязывает нас особенно хорошо работать, особенно дружно жить. Все мы, люди разнообразных искусств, делаем одно и то же дело.

Я не буду говорить об успехах советского искусства, достигнутых за этот короткий срок нашей литературой, нашей кинематографией, нашей музыкой. Кстати: мы мало ценим те успехи, которые сделала музыка за это время.

Хотелось бы то же самое сказать о живописи, но пока приходится воздержаться. Она слишком фотографична. Она уступает другим видам искусства

в деле выявления своих сил, талантов и т. д. Хотя уже есть интересные молодые художники. Они, конечно, явятся в большем количестве и с большей яркостью талантов.

Сделано много, но всего этого мало для страны. Надо усилить нашу творческую энергию. Нам следует к 20 годам советской власти дать некоторый итог всего, что сделано нами. Нам надо выразить успехи в каких-то больших вещах, в больших произведениях, в разных областях искусства.

Я глубоко уверен, что мы способны на это. Все предпосылки для этого есть. Еще раз повторяю: есть для этого руководящая единая идея, которой нет нигде в мире, идея, крепко оформленная в шести условиях Сталина, из коих для нас особенно важно понять и освоить четвертое условие — условие «равенства», как его понимает марксизм.

У нас есть план, есть цель и есть источник энергии, заключенный в той универсальной идее, которая освещает все явления социальной жизни.

Что нам надо делать? Нам надо в наших разнообразных работах сомкнуться в единое целое.

Кинематография, несомненно, за последние годы достигла всеми справедливого признанного успеха. У нас есть «Чапаев». Недавно я видел удивительный фильм — «Граница», пожалуй, столь же красивый фильм, столь же мощный и столь же насыщенный, как «Чапаев».

Есть еще много кинематографических вещей, достойных похвал, но это есть только первые победы, и все-таки работа не так хороша, как должна бы быть.

Почему? Мне кажется, потому, что нет, — как бы это сказать, чтобы не

обидеть, — нет достаточно социальной грамотности, нет достаточно ясного представления о том живом материале, который мы изображаем.

По этой причине, подходя к делу с добрым намерением, в хорошей картине «Крестьяне» показаны мужики пожирающими — именно, пожирающими — в поте лица пельмени. Совершенно нелепо и безграмотно и совершенно невозможно, чтобы мужик, который знает цену хлеба так, как мы этого не знаем, пельмени выкидывал в окошко. Этого не может быть. Лирический кулак и убийца, играющий на дудочке, — неправдоподобно.

Промахов такого сорта мы насчитываем много, и картин без этих промахов, за малыми исключениями, почти нет.

В картине «Юность Максима» автор-режиссер, — не знаю, кто, — не имея достаточного представления о подпольной работе, допустил немало фактических ошибок.

Недавно видел я две, правда, уже старые, картины тов. Довженко. В «Земле» он дал весьма много плоти, много натурализма, но типаж плоти подобран неудачно, в нем мало рубенсовской силы, и режиссер актуального искусства прибегает к демонстрациям скульптурной неподвижности. «Иван» — картина, внутренне неорганизованная, хаотичная, в ней человек не властвует делом, а раздавлен тяжестью вешества материи. На собрании рабочих женщина идет к столу президиума так долго, что, кажется, она потратила на этот короткий путь минут десять. Безграмотны картины Петрова-Бытова, «Гармонь» Жарова и целый ряд других. «Пышка», «Летчики», «Чапаев» и десятки подобных особенно выигрывают на фоне неудачных картин. Почти в каждой из них можно заметить тот или иной технический «трюк», режиссерскую выдумку, и это говорит о том, что кинодеятели могли бы работать лучше, авторы сценариев — писать грамотнее.

Литераторы должны в деле кинематографии принять живейшее участие. Нужно сценарии делать нам, литераторам, это дело наше.

Мне уже приходилось говорить по этому поводу с драматургами, и они признали, что да, нужно. Но мало признавать — надо делать. Я думаю, что к 20-летию нам следовало бы выдвинуть

несколько таких картин, которые бы звучали, как «Чапаев».

20-летие это требует итогов, мы должны их дать. Нужно все сделанное собрать в какой-то один ком, и, если бы организовались вместе музыканты, драматурги, поэты, — вообще литература и все другие искусства, — они могли бы дать к празднованию 20-летия, например, какую-то ораторию с хорами, — я уже говорил по этому поводу, — большое представление с массой людей, с хорошей музыкой, на хороших стихах. Трудно сейчас наметить детали, но сказать нам есть что, показать есть что тоже.

Есть целый ряд других предложений и начинаний, которые надо бы к этому времени выполнить.

Между прочим, я уже несколько раз предлагал, — и, наконец это, кажется, осуществится, — предлагал показать нашему читателю день мира, день всего мира, как живет этот мир сейчас вот, сегодня, как он жил три дня тому назад, месяц тому назад, два месяца тому назад. Взять за любой день газеты со всего мира и выбрать из хроники этих газет все события, которые совершались, взяв именно все, а не то, чтобы отбирать некоторые — вот заседали, вот задавили кого-то, вот расстреляли рабочих (М К о л ь ц о в: Великосветская свадьба!) — да, как женился король на королеве, — все это очень интересно для нас, конечно (смех), и массу всяких других событий: как людей выселяют из квартир, потому что за квартиру не уплачено, как людидохнут с голода, как торгуют замечательно вкусными вещами, как готовят эти вещи, — вообще по кулинарному искусству пройтись на фоне миллионов голодающих людей, поговорить о кулинарном искусстве — это может быть очень приятно! Вы помните, есть у Чехова рассказ «Сирена», чрезвычайно возбуждает аппетит. В данном случае может явиться аппетит бить ожиревших, но все еще пожирающих мир.

Такие затеи мы могли бы осуществить, если бы за это дело взялся достаточно хороший коллектив, способный понять, как это значительно.

Мы можем и советский день показать, будничные советский день, весь день во всей стране, начиная от Арктики и кончая границами Средней Азии — до Памира, начиная от Владивостока и кончая Одессой, Астраханью или Эри-

ванью, — весь наш советский день, что случилось за день.

Нам следует позаботиться создать литературу для деревни, для колхозника. Та литература, которую мы издаем по 5 или 15 тысяч, не доходит до деревни. Нам нужны большие тиражи. Нам следует позаботиться не только о русской деревне, а также и о деревне братских республик.

Должно быть очень плотное, очень крепкое единение всесоюзной литературы. Надо создать план того, что мы должны и можем дать.

Приходится немного полемизировать¹. Вопрос стоит так: или мы создаем вещи совершенные, или мы создаем вещи с трещинами, с пятнами, с брачком.

К рабочему обращаются с определенным требованием: «деталь ты должен сделать так, чтобы она в работе машины не мешала — и никакого брака».

Здесь некоторые товарищи очень красиво, даже излишне красиво, по-моему, защищали право на брак (аплодисменты), на бракованные вещи. Этого нельзя делать.

Нельзя брак защищать. Мы должны делать вещи совершенные. Если мы будем оправдывать всякие промахи и ошибки — это не дело.

Когда я говорил в первый раз, я забыл, или не то, что забыл, а не нашел места, чтобы указать предложить вашему вниманию некоторую тему, которая позволила бы чрезвычайно широко развернуться творческим способностям нашим.

Многие наши писатели пишут биографии героев, и обычно это выходит ниже литературы. Почему бы нам не попробовать писать эти биографии не только в прозе, но и в стихах одновременно? Прозе, очевидно, несвойственен пафос, который в авторе вызывает герой. Я предлагаю дать несколько биографий одновременно в прозе и стихах. Пусть сначала пойдет проза, затем стихи, а потом опять проза, снова стихи и т. д. Этого никто никогда не делал. Может быть, нам следует попробовать? Может быть, возможны такие произведения? Я не знаю, но если бы я был помоложе и если бы у меня было время, я бы за это взялся обязательно.

(Голос: Демьян делает). Да, но это немножко не то.

Затем есть еще тема, которую, по моему мнению, нам обязательно надо использовать, — это та сказка, которая говорит о разных волшебных превращениях, о том, как люди мечтали о полетах в воздух, о самолетах. Я много раз говорил о том, чтобы нам попробовать эту сказку связать с нашей действительностью, показать, как эта сказка осуществилась, как она стала реальностью. Здесь — большой простор фантазии, большой простор творчеству, простор реализму, которые не исключают широких взлетов воображения. Эту тему я предлагаю на ваше обсуждение. (Аплодисменты).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогие товарищи, есть книги, которые хуже плохих переплетов, и есть такие книги, для которых потребен самый лучший переплет. Эту разницу понять надо. Я говорю, конечно, иносказательно — речь идет не о книгах.

Спор, который здесь происходил, напоминает некий древний водевиль. Этот водевиль был озаглавлен: «Которая из двух». Имелись в виду женщины, и «Которая из двух» — подразумевалась лучшая из двух.

Профессиональные навыки наши привели к тому, что здесь ставился вопрос: а кто лучше, кто значительнее: кинематографист или литератор? Этого не говорили прямо, но всетаки подразумевалось. Ставился вопрос, кто кого учит — литератор учит кинематографиста или кинематографист литератора?

Начиная так лет тридцать тому назад с лишечком, когда возникал Художественный театр, режиссерами были завоеваны чрезвычайно широкие права. Мы знаем, что с той поры выросли такой исключительной силы режиссеры, как Станиславский и другие. Некоторые из них уже считаются гениальными. Я, конечно, отнюдь не хочу понизить эту оценку, но мне всегда казалось, что при наличии таких гениальных режиссеров у нас должны были быть гениальные комедии, гениальные драмы, а их нет. Странно?

Некоторое своеволие режиссера, конечно, существует. Люди привыкли обращаться с литературным материалом, — я в данном случае говорю не только о кино, но и о театре, — с пьесой или со сценарием так, как столяр

¹ После выступления т. Шумяцкого.

с доской. Конечно, краснодеревец-столляр из простой доски может сделать прекрасную вещь. Верно это? Верно. Но мне все-таки кажется, что литератор-то немного больше знает, чем режиссер: у него поле зрения шире, у него количество опыта больше, он более подвижный в пространстве человек, а часто режиссер работает в четырех стенах театра и знать ничего не хочет, кроме сцены. Я говорю это не в укор кому-нибудь, а просто констатирую факт.

Что тут получается? Получаются некоторые недоразумения, от которых надо избавиться, — они многому мешают, многое портят.

Я редко бываю в театрах, но замечаю, что у героя, который по сцене ходит, слова не совпадают с жестом, и образу автора герой не отвечает по той причине, что режиссер подходит к нему с традиционным отношением, как издревле принято подходить к герою. Между тем герой наш, как это здесь сказано кем-то, — другой; он иначе грустит, он иначе веселится, он иначе себя ведет. Он может быть грубее себя ведет, он не так культурен как маркиз, но мы пока не маркизы и, надеюсь, не будем оными.

Почему я это говорю и чего боюсь? Я боюсь, чтобы режиссеры кино не своевольничали в той степени, в какой своевольничали режиссеры театра. Как тут, так и там должно быть достигнуто такое гармоническое соединение двух сил, работающих в одном направлении. Это даже не параллельные силы, а силы, как бы втекающие одна в другую.

Думается мне, что на будущем собрании, если таковое состоится, надо поставить вопрос этого порядка. Надо толковать не о какой-то демаркационной линии, которая распределила бы права режиссера и сценариста, а о том, как сделать так, чтобы это слилось в нечто единое целое и дало бы наибольший эффект.

Здесь говорилось довольно много, и все время звучало, что одни работают как будто на чужом материале, которым они сплошь недовольны, а хозяева материала также сплошь недовольны тем, что с их материалом обращаются недостаточно уважительно, недостаточно бережно и т. д. Надо это устранить. Мы — грамотные люди и люди, одержи-

мые стремлением делать хорошие вещи. Мы можем столкнуться.

Тут указывались разные мелочи, на которые также надо обратить внимание. Тов. Сейфуллина говорила о том, что засахаривают ребят. Я детских фильмов не видал. У нас, кажется, вообще нет картин о детях. (Щербатов: «Рваные башмаки»).

«Рваные башмаки» — это прекрасная вещь, но у нас не показаны пионеры. Нет тех пионеров, которых уничтожают и бьют враги. На эту тему никто ничего не дал. (Довженко: На эту тему будет «Бежин луг»). Это хороший замысел. Пионеров перебито уже много. В то же время они все более активно входят в нашу действительность, как некая рабочая сила. Я не говорю о Павле Морозове. Сколько было таких случаев, когда пионеры предотвращали крушения поездов, когда они, не считаясь с родством по крови, обнаруживали родство по духу и шли против своих родственников точно так же, как Павел Морозов, и были уничтожены так же, как и он.

Это — большая тема, товарищи. Пионером следует заняться также и по тем специфическим условиям, которые вызвали недавно довольно суровый декрет.

Ребят надо воспитывать. Мы, инженеры душ, беремся воспитывать взрослых, а маленьких? Почему бы нет? Следует. Надо серьезно заняться этим делом. Это — источник многих интересных тем.

Расскажу и я вам один факт. Был я как-то в Мурманске, и меня там познакомили с одиннадцатилетним парнишкой. Парнишка, наклевавшись новых вейний, устроил у себя в квартире ленинский уголок. Папаша у него — выпивающий человек, пришел, посмотрел и весь этот уголок уничтожил, а парнишку выдрал. Но юный, новый человек несколько не смутился и снова восстановил уголок. Папаша его еще раз, а он еще раз восстановил. Папаша его еще раз, а он опять восстановил. Кончилось тем, что на девятый раз папаша сдался: чорт с тобой, пускай будет уголок! Мало того, что сдался, папашу начали немного стыдить, что ты, мол, зря ребенка бил, ребенок правильно делает! Говорят, папаша даже пить перестал. В последнее я не очень верю, но допускаю. (Смех).

Одним из самых существенных выступлений сегодня было выступление тов. Александра. Это чрезвычайно важное выступление, но литераторов оно, к сожалению, не касается. Мы в этом деле вам не помощники. Тов. Александрову надо иметь дело с учеными. Я рекомендовал бы вам познакомиться с проф. Бауэром. Это по вашей части. Он покажет вам нечто действительно исключительное. Он работает с

клеткой животного организма. Вы увидите у него совершенно изумительные вещи.

За всем тем, что здесь было сказано, чувствуется желание делать. Чувствуется, что многим, а может быть и всем, наслаждение делать уже знакомо, а это такая большая вещь, при помощи которой создаются грандиозные события.

Вот и все, товарищи. Желаю вам всего доброго. (А плодисменты).